

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Часовитина О.В. — О поединке князя Мстислава и Редеди: сравнительно-историческое исследование культуры воинских поединков в Древней Руси конца X - первой половины XI вв // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40013 EDN: KUNXMA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40013

О поединке князя Мстислава и Редеди: сравнительно-историческое исследование культуры воинских поединков в Древней Руси конца X - первой половины XI вв

Часовитина Ольга Владимировна

аспирант, исторический факультет, кафедра истории России до начала XIX века, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4

✉ ovchasovitina@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.40013

EDN:

KUNXMA

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2023

Дата публикации:

05-04-2023

Аннотация: В статье исследуется рассказ «Повести временных лет» о поединке князя Мстислава и Редеди как свидетельство бытования поединков в древнерусской воинской культуре. Известие соотнесено с другими письменными и археологическими источниками, для установления его связи с действительной политической историей. Для сравнительного изучения известие соотнесено с другими древнерусскими письменными источниками о поединках и современными ему известиями о поединках в памятниках византийской историографии. В ходе комплексного изучения текста молитвы Мстислава рассмотрены свидетельства воинского почитания Богородицы в Византии и на Руси, в том числе упоминания о молитвах к Богородице. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о влиянии на воинскую культуру Руси византийской воинской традиции и религиозной культуры. Наиболее ясно взаимосвязь прослеживается в религиозном оформлении поединка, при этом рассматриваемое летописное известие отнесено к

самым ранним свидетельствам воинского почитания Богородицы на Руси. Сходны представления о поединках как о событиях, которые заслуживают сохранения и в историописании. Определить взаимосвязь порядков организации и проведения поединков непросто, по причине скудности летописных данных. Византийское влияние, предположительно, выразилось и в переосмыслении представлений о поединках, и в почитании Богородицы как помощницы или заступницы в случае войны.

Ключевые слова:

Древняя Русь, средневековая Русь, Повесть временных лет, воинская культура, поединок, домонгольский период, Лев Диакон, Византия, касоги, Тмутаракань

Летописная история Руси X-XI вв. содержит значительное число рассказов о военных событиях. В свидетельствах военных событий сохранились и подробности, запечатлевшие культуру воинских социальных групп. Изучение воинской культуры дает возможность более полно раскрыть значение отдельных явлений в жизни общества, приблизиться к пониманию мировоззрения и мотивации людей отдаленной эпохи. Особое место в истории военного дела занимают воинские поединки. Исследование своеобразия и характерных черт в описаниях воинских поединков в древнерусском летописании позволяет более детально представить их значение для общества и особенности воинской культуры Древней Руси.

Цель исследования – выявить характерные черты древнерусской культуры воинских поединков, сопоставить их с особенностями византийской культуры воинских поединков и византийской воинской культуры в целом. Сообщения о древнерусских воинских поединках в Повести временных лет малочисленны, поэтому целесообразно сопоставить их с подобными свидетельствами византийских источников. Отношения с Византией были одним из важнейших направлений внешней политики древней Руси. Культурному обмену способствовали военные и мирные политические контакты, торговые отношения и распространение христианства на Руси. Опыт изучения византийских свидетельств о поединках на материале хроник уже имеется [\[29\]](#) и требует продолжения наблюдений.

Метод исследования, применяемый в работе для достижения поставленной задачи, – сравнительно-историческое исследование данных древнерусских исторических источников с использованием для сопоставления данных византийских источников.

Объект исследования – древнерусская традиция воинских поединков. Предмет исследования – особенности древнерусской традиции воинских поединков, отраженные в летописном известии Повести временных лет о поединке князя Мстислава и Редеди в погодной статье 6530 (1022/1023) г. [\[5, с. 64\]](#).

Хронологические рамки исследования – конец X – первая половина XI вв., поскольку упоминания поединков в Повести временных лет малочисленны и относятся к указанному периоду. При необходимости, для обоснования существования продолжительной традиции и исторической памяти, в исследовании привлекаются источники, касающиеся более отдаленных по времени событий.

Географические рамки исследования – земли Древней Руси (для группы древнерусских источников) и Византия (для группы византийских источников).

В историографии научная интерпретация известия о поединке князя Мстислава и Редеди

восходит к XVIII в. Вопрос об отражении традиции поединков в летописях занимал В. Н. Татищева, который отметил существование древней традиции поединков, известной по древнеримской истории, и даже по упоминаниям её в Ветхом Завете [20, с. 9-81, 413]. Из современных исследователей о воинских поединках в Древнем Риме пишут, в частности, С. П. Оукли и Т. Видеманн [30, 31]. Бытование этой практики в античности не вызывает сомнения. Однако попытка Татищева обобщить сведения о древнерусских поединках оказалась не вполне корректной из-за привлечения данных поздних источников [25].

В современной историографии применяются различные подходы к изучению указанного известия. В. В. Долгов в статье, посвященной роли поединков в древнерусской воинской культуре, относит его к «описаниям боевых поединков». Исследователь отмечает поэтизацию боевого поединка в обществе как затрудняющий изучение явления фактор [10, с. 59-60]. Н. В. Трофимова относит известие к «воинским повествованиям, разрабатывающими мотив о поединках», в число которых включает также поединок юноши кожемяки с печенегом в «Повести временных лет» и более поздние поединки - Евпатия Коловрата с Хостоврулом в «Повести о разорении Рязани Батыем», Пересвета с татарским воином в «Сказании о Мамаевом побоище». При этом исследовательница обращает внимание на универсальную фольклорную топику рассказов о поединках. По её наблюдениям, в этой группе повествований «основной мотив сопровождается сопутствующими также фольклорными мотивами: поисками богатыря со стороны русских войск; необычной силы младшего в семье сына; хвастовства врага, которое оборачивается поражением» [21, с. 41]. Фольклорные и поэтические черты повествования, обусловленные связью книжности с традицией устного предания, могут быть связаны с практикой сохранения исторической памяти в древнерусской военно-аристократической среде, имевшей смешанное происхождение.

Разысканиям о князе касогов Редеди посвятили статьи Н. С. Трубецкой и Г. Ф. Турчанинов [23, 24]. В современной историографии эта тема затрагивается в статье А. А. Максидова [16].

Рассмотренная историография по теме исследования не полностью раскрывает проблему, при этом отдельные наблюдения заслуживают внимания. В достаточной мере освещен вопрос о выделении летописных известий о воинских поединках в общую типологическую группу, намечен подход к сопоставлению с традициями воинских поединков в других культурах. Также предприняты попытки уточнения этносоциальной принадлежности Редеди и выявления связанных с исторической памятью о нем сведений.

Источники, используемые в исследовании - Повесть временных лет, «Слово о полку Игореве». Повесть временных лет является устойчивым текстом, присутствующим в составе большинства сохранившихся летописных сводов, и рассказывает о событиях с древнейших времен до 1110-х гг [5]. «Слово о полку Игореве» относится к памятникам древнерусской книжности конца XII в., и посвящено историческому сюжету, отраженному и в летописях [7]. В качестве материала для сравнительного изучения используются источники по истории Византии IX-X вв. К ним относятся памятники историописания, касающиеся военных событий - «История» Льва Диакона X в., датируемая X в. «Хронография» Продолжателя Феофана, «Хронография» Михаила Пселла XI в. [2, 6, 3]. В качестве источника по истории военного дела в Византии используется византийское военно-научное руководство - «Тактика Льва» [11].

В Повести временных лет под 6530 (1022/1023) г. содержится рассказ о победе князя Мстислава Владимировича над Редедой в поединке и об основании Мстиславом церкви Богородицы в Тмутаракани:

«И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющимися има, нача изнамагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: "О пречистая богородице помози ми. Аще бо одолѣю сему, съзижду церковь во имя твое". И се рек удари имь о землю. И вынзе ножъ, и зарѣза Редедю. И шед в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣтей его, и дань възложи на касоги. И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоит и до сего дне Тьмуторокани» [\[5, с. 64\]](#).

Повесть временных лет – памятник летописания, имеющий многослойную структуру, обусловленную сложной историей формирования и позднейшего бытования текста. Окончательное сложение текста Повести временных лет было датировано А. А. Шахматовым 1110-ми гг. [\[27, с. XXXVI\]](#), [\[9\]](#).

Рассматриваемая статья относится исследователями к более раннему по отношению к Повести летописному своду, так называемому «своду Никона». Изучая статью 6530 (1022/1023) г. и другие известия о касогах и о князе Мстиславе, А. А. Шахматов предположил, что они представляют собой дополнения по отношению к ещё более раннему летописному тексту. Летописцем или «главным редактором» этих дополнений, по предположению А. А. Шахматова, был преподобный Никон, один из сподвижников преподобных Антония Печерского и Феодосия Печерского, основавший обитель поблизости от Тмутаракани, и возвратившийся в Печерский монастырь в 1070-х гг. По гипотезе А. А. Шахматова, в 1072-1073 гг. Никоном был переработан предшествующий свод и составлено продолжение к нему. О знакомстве автора известия с расположенной вдали от Киева Тмутараканью говорит сообщение, что упомянутая церковь св. Богородицы «стоит и до сего дне Тьмуторокани» [\[28, с. 284-297\]](#). С. М. Михеев, опираясь на данные лингвистического и стилистического анализа, предполагает, что составление Свода Никона при участии Никона в качестве летописца либо информанта происходило в 1078 (6586)-1087 (6595) гг. [\[17, с. 120-129\]](#). В схеме истории начального летописания А. А. Гиппиуса создание указанного свода отнесено к 1070-м гг. [\[9, с. 61\]](#). Д. А. Боровков, также признавая наличие вставок в изложении событий времен соперничества за власть между Мстиславом и Ярославом, полагает вопрос о причастности к летописанию Никона дискуссионным [\[8, с. 70-77\]](#). Учитывая аргументы А. А. Шахматова и С. М. Михеева, можно предположить, что рассматриваемая статья была создана в 1070-е гг., при этом, судя по упоминанию действовавшей церкви св. Богородицы, летописец имел возможность опереться на историческую память какой-то части жителей Тмутаракани.

Противоборство Мстислава и Редеди упоминается и в «Слове о полку Игореве», составленном после 1185 г. [\[7, с. 9\]](#). Существование в центральной части Таматархи – Тмутаракани в XI-XII в. церкви, соотнесенной с упоминаемой в рассматриваемом известии церковью св. Богородицы, подтверждено археологическими раскопками [\[15, с. 377-387\]](#), [\[26, с. 57\]](#). При раскопках обнаружено территориально связанное с церковью кладбище, что говорит о значении храма для местных жителей [\[26, с. 302\]](#). Таким образом, отдельные факты летописного известия находят соответствие в других письменных и археологических источниках.

Повторим ещё раз, поединок Мстислава и Редеди – не первый воинский поединок в ПВЛ, «заменяющий», но на самом деле, вероятно, предваряющий битву. Как сообщает ПВЛ

под 6500 (992/993) г. (в Начальном своде этой истории нет), тридцатью годами ранее произошёл поединок безымянного юноши (в более поздних летописях именовавшегося «Переяслав» либо «Ян Усмошвец», а в позднейшей фольклорной традиции известного как Никита Кожемяка) с печенежским воином [\[4, с. 15, 165, 180\], \[22, с. 19, 22\]](#). В память о его победе князь Владимир заложил город Переяславль у брода через р. Трубеж, левый приток Днепра [\[5, с. 54-55\]](#). По воле князя Владимира юноша поединщик занял более высокое социальное положение.

В названных летописных известиях воины противника «велики» телосложением, и в обоих случаях говорится об их гибели в ходе поединка. Поединки отнесены к началу военного противостояния, и условия проведения оговариваются сторонами, причем исходу поединков придается политическое значение.

Интересно, что оба упомянутых поединка произошли в контексте военно-политических контактов Руси с политическими образованиями, находившимися в зоне культурно-политического влияния Византийской империи (но при этом культурно и политически не относящимися к ней). Случайно ли это?

В византийских источниках нередко упоминаются поединки ромеев между собой и их поединки с иностранцами, в частности – воинами из войска русского князя Святослава.

Лев Диакон, описывая войну князя Святослава с ромеями, современником которой он был, приводит описания нескольких поединков. Например, – схватка патрикия Петра с вызывавшим поединщиков русским воином:

«Выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищенный панцирем, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копьё в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины» [\[2, с. 57-58\]](#).

В данном отрывке особо отмечается брошенный вызов, что сближает его с приведенными выше летописными поединками, хотя отличается описание хода поединка, который произошел верхом на конях и исход которого решил сильный и умелый удар копьем. Сходно и описание бегства военного отряда.

Лев Диакон также рассказывает о единоборствах без вызова. Так описан поединок Варды Склира и русского воина при Аркадиополе:

«Знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подскакал Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю» [\[2, с. 59\]](#).

В изложении Льва Диакона, Варда Склир в момент перегруппировки отрядов выделил фигуру защищенного доспехом военного предводителя, ободрявшего русский строй, и поспешил поразить его, проявив искусство наездника и мастерство владения оружием. Образ действий отличается от рассматриваемого летописного рассказа. С описанием поединка Мстислава и Редеди этот эпизод сближает то обстоятельство, что соперник полководца-аристократа Варды Склира возглавляет военный отряд (подобно Редеде), а также последующее описание бегства воинов противника.

Сходно описано и поражение русского военного вождя Икмора под Доростолом от руки императорского телохранителя Анемаса:

«Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. (...) сын архига критян Анемас воспламенился доблестью духа, вытащил висевший у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею – голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю» [\[2, с. 78\]](#).

Здесь Лев Диакон особо подчеркивает знатность и военные доблести русского воина, которые пробудили у одного из императорских телохранителей, по происхождению знатного критянина, желание совершить подвиг, попытавшись его зарубить. Мотив противоборства двух знатных воинов сближает это известие с рассказом о Мстиславе и Редее, хотя описание хода поединка отличается. Сходство есть и в топосе описания бегства воинов противника.

Описания поединков у Льва Диакона не содержат их осмысления как действий, непосредственно решающих исход войны, хотя Лев и подчёркивает их значение для исхода сражения.

С. Кариакидис в статье «Accounts of single combat in Byzantine historiography» исследовал упоминания средневековых византийских историков о поединках между проявляющими отвагу участниками сражений. Историк выявил характерные черты повествований о боевых поединках в византийской историографии и рассмотрел, каким образом разные авторы использовали такие сюжеты для пропаганды собственных взглядов на политические события и для восхваления военных заслуг своих героев. Также в статье затронут вопрос о влиянии поэм Гомера, книг Ветхого Завета, византийской эпической традиции и идеалов Запада на идею и описания поединков в Византии. Историк пришел к выводу, что увеличение числа упоминаний воинских поединков в византийской историографии по времени совпадает с периодом подъема военной аристократии в IX-X вв. Описания поединков не могут считаться до такой степени достоверными источниками, чтобы по ним можно было восстановить ход боя, тем не менее они позволяли историкам отметить боевые заслуги героев исторических повествований и отражали развитие военной идеологии, которая подчеркивала героический индивидуализм. В описаниях поединков обнажалось противоречие между аристократическим этосом вершителей подвигов и установками военных трактатов, предписывавшими полководцам высокого ранга руководить боем с безопасного расстояния.

Проведенное С. Кариакидисом исследование, затрагивая тему поединков воинов-греков с русскими воинами в изложении Льва Диакона, кратко характеризует черты русских воинов в глазах Льва Диакона: это физическая мощь, выдающийся рост, вызывающая уважение отвага. Такое внимание связано с положительной оценкой воинских качеств в византийском обществе, что обуславливало уважение к противнику, обладающему выдающимися боевыми способностями. По мнению С. Кариакидиса, все описания поединков у Льва Диакона отражают ценности и интересы провинциальной византийской элиты, а равно и изменения в стилистике изложения военных событий в соответствии с запросами военных групп населения и социальной элиты – стремление к героизации отдельных лиц и локальных событий. Также исследователь предполагает, что выразительная героизация протагонистов могла быть связана с литературным влиянием Гомера, которого Лев Диакон многократно цитирует [\[29, с. 116-117\]](#).

Михаил Пселл описывает поединок, условленный в правление императора Василия II между уже упоминавшимся выше Вардой Склиром, сделавшимся вождем мятежников в надежде добиться императорского престола, и полководцем Вардой Фокой, руководившим войсками, направленными императорским двором на подавление мятежа. Это противоборство проводилось верхом на конях в присутствии военных отрядов обеих сторон. При этом историк упоминает о решающем значении исхода поединка для противостояния:

«В конце концов оба полководца решили сразиться друг с другом и согласились встретиться в единоборстве. (...) Мятежник Склир в своем яростном натиске не стал заботиться о должной осторожности и, приблизившись к Фоке, первым из всех сил ударяет его по голове, и стремительный бег коня придает его удару еще большую мощь. А Фока, хоть на мгновение и выпустил от неожиданности поводья, быстро пришел в себя и ответил противнику таким же ударом по голове, остудив его пыл и обратив в бегство» [\[3, с. 8\]](#).

С. Кариакидис отмечает, что Иоанн Скилица описывает это событие несколько иначе, сообщая, что противоборство полководцев имело место в ходе сражения и не было заранее точно оговорено. Как полагает С. Кариакидис, Михаил Пселл в рассказе о поведении Варды Склира стал выразителем представлений о кодексе чести и ценностях военной аристократии [\[29, с. 118-119\]](#).

В этом сюжете предполагаемый негласный вызов двух полководцев, возглавлявших противоборствующие воинства, сходен с сюжетом летописного рассказа о Мстиславе и Редее. Сходно и сообщение об изменении политической обстановки в результате поединка. Отличие в том, что поединок конный, обычный для византийской знати. Кроме того, в отличие от русских летописных сюжетов, поединок не заканчивается смертью одного из противников, – видимо поэтому Михаил Пселл добавил уточнение о признании его итога окончательным.

В приведенных выше свидетельствах византийских хронистов Льва Диакона и Михаила Пселла присутствуют отдельные черты сходства с древнерусскими описаниями воинских поединков: указания на силу и боевые качества поединщиков, рассказы о бегстве воинов противника, упоминания поединков как значимых событий в биографии представителей военной знати. Лев Диакон в одном из приведенных им описаний поединков ромеев с русскими воинами пишет о вызове, с которым русский воин обращался к ромейскому войску. О вызовах на поединок сообщается и в летописных статьях 6500 (992/993) г. и 6530 (1022/1023) г. Повести временных лет. Поединок осмыслен как политически значимое событие в византийском свидетельстве Михаила Пселла. В древнерусских летописных известиях поединкам придается внешнеполитическое значение.

Проведенное сопоставление источников позволяет предположить, что известие о поединке Мстислава и Редеди в культурном контексте своего времени связано с отдельными чертами собственно древнерусской воинской культуры, на которую указывают также известие Повести временных лет под 6500 (992/993) г. и упоминания поединков византийцев с русскими воинами в иностранном источнике – «Истории» Льва Диакона, а также не противоречит предположению о влиянии византийской практики военных поединков на бытование поединков на Руси. Указание в тексте рассматриваемого известия на большую силу противника-иноземца может быть связано и с христианским переосмыслением сюжета о Давиде и Голиафе [\[29, с. 131-132\]](#).

Внимание привлекает также то, что летопись в случае с Мстиславом, по-видимому, фиксирует признаки воинского почитания Богородицы на Руси. Речь идет о произнесении Мстиславом в ходе поединка обета построить храм именно во имя Пречистой Девы:

«О пречистая богородице помози ми. Аще бо одолѣю сему, съзижду церковь во имя твое» [\[5, с. 64\]](#).

Аналогии этому молитвенному обращению к Богородице также отыскиваются в византийских источниках. О молитвенных обращениях военачальников во время военных действий свидетельствуют сообщения византийских хронистов Продолжателя Феофана и Льва Диакона, а также наставления военного теоретика императора Льва VI.

Традиция почитания Богородицы как защитницы ромеев от воинственных соседей-нехристиан в Византии возникла гораздо ранее рассматриваемого периода и связана с комплексом святынь во Влахернах [\[19, 32\]](#). Среди множества чудес, которые упоминаются в византийских источниках в связи со святынями Влахернской церкви, известно и чудо защиты Константинополя от нашествия русов при императоре Михаиле III и патриархе Фотии в 860 г., о котором сообщается и в Повести временных лет под 6374 (866/867) г.:

«Цесарь же едва въ градъ вниде, и с патреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣи Богородицѣ Влахѣрнѣ всю ночь молитву створиша, та же божественую святы Богородици ризу с пѣсними изнесъше в мори скутъ омочивше» [\[5, с. 13\]](#).

В «Хронографии» Продолжателя Феофана в описании событий правления Василия I приводится молитва стратига Андрея, «скифа» по происхождению, к Богоматери перед ее образом:

«Взял он тогда это поносное письмо и с великим плачем возложил к образу Богородицы с сыном на руках и сказал: "Смотри, Мать Слова и Бога, и ты, предвечный от Отца и во времени от Матери, как кичится и злобствует на избранный народ твой сей варвар, спесивец и новый Сенахирим, будь же помощницей и поборницей рабов твоих, и да узнают все народы силу твоей власти". Такое с содроганием сердца и великим плачем говорил он в мольбе к Богу, а потом во главе войска выступил против Тарса» [\[6, с. 180-181\]](#).

По наблюдению С. Э. Зверева, «вполне возможно, что приведенное здесь моление совершалось перед выступлением войска в поход. В этом случае можно сказать, что молитва в данный период может рассматриваться как жанр военной речи» [\[11, с. 56\]](#).

В «Тактике Льва», военном трактате X в., автором которого исследователи считают императора Льва VI, среди необходимых действий в военном деле называется руководство войском в духовной сфере с помощью молитв и священнодействий, с тем чтобы обратить его к Богу, Богородице и священнослужителям:

«Дело иератики – твердо проникнувшись Божественным началом и действуя во благо Ему, неустанно исполнять войско высшим законом Христианской веры и с помощью святого слова, священнодействий, молитв и других увещаний обращать его к Богу, к пречистой Матери Его Богородице, к святым его служителям» [\[1, с. 346-347\]](#).

Г. Ю. Каптен подчеркивает, что «иератика» как искусство обращения помыслов всего войска к Богу упоминается Львом наравне с другими разделами военного дела, -

например, с логистикой и врачеванием ран [\[12, с. 140\]](#).

Упоминавшийся выше Лев Диакон пишет о молитве императора Иоанна Цимисхия и о поклонении Богоматери Влахернской перед выступлением в поход против Святослава:

«[Выступив] оттуда, он пришел в знаменитый святой храм божественной Премудрости и стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм Богоматери, расположенный во Влахернах. Вознеся должным образом мольбы к Богу, он поднялся в находившийся там дворец, чтобы посмотреть на огненосные триеры» [\[2, с. 68\]](#), [\[19, с. 202\]](#).

О почитании на Руси Богородицы как защитницы от военных нападений свидетельствуют богослужебные и молитвенные тексты, переводившиеся с греческого на древнерусский язык [\[14, с. 216-218\]](#). Распространение почитания Богородицы Влахернской на Руси связывается и с монастырем, основанным преподобным Стефаном Печерским в Киеве во второй половине XI в. [\[14, с. 219\]](#). По мнению М. Уайт, Богородица почиталась как защитница князей и Киева [\[32\]](#). Об устойчивости древнерусской воинской традиции почитания Богородицы косвенно свидетельствует и присутствие Ее почитаемой иконы в войске Андрея Боголюбского в походе 1164 г. на болгар, чему вскоре была посвящена статья древнерусского Пролога на особый день церковного календаря, 1 августа. Как считает А. В. Лаушкин, не исключено, что при возвращении из этого похода князь устроил «триумф Богородицы» по образу аналогичных византийских триумфов [\[13, с. 12-13\]](#).

Если наше предположение о связи обета Мстислава именно с «воинским» почитанием Богородицы верно, то перед нами едва ли не самое раннее свидетельство такого рода относительно Руси.

В целом можно прийти к выводу, что в рассматриваемом известии проявилось влияние на воинскую культуру Руси византийской воинской традиции и религиозной культуры. Наиболее ясно взаимосвязь прослеживается в религиозном оформлении поединка. Сходны представления о поединках как о событиях, которые заслуживают сохранения и в историописании. Определить взаимосвязь порядков организации и проведения поединков непросто, по причине скудности летописных данных. Византийское влияние, предположительно, выразилось и в переосмыслении представлений о поединках, и в почитании Богородицы как помощницы или заступницы в случае войны.

Военная власть Мстислава над касогами установилась, по-видимому, через непродолжительное время после описанного столкновения. В статье Повести под 6531 (1023/1024) г. речь идет уже о походе Мстислава вместе с хазарами и касогами против Ярослава [\[5, с. 64\]](#), [\[18, с. 96\]](#). Можно предположить, что и мотив «чудесной» помощи в рассказе о военной победе, и возведение церкви с посвящением Богородице, способствовали, в том числе, демонстрации «сакральной» стороны княжеской власти и укреплению политического авторитета князя как среди соседних этнополитических образований, так и в местной христианской общине.

Библиография

1. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / Изд. подгот. В.В. Кучма; отв. ред. Н.Д. Барабанов. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
2. Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука,

1988. 237 с.
3. Михаил Пселл. Хронография / пер. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 319 с.
 4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 640 с.
 5. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
 6. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
 7. Слово о полку Игореве / Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950. 483 с.
 8. Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя, 2015. 232 с.
 9. Гиппиус А.А. До и после начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX-X веках: археологическая панорама. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37-63.
 10. Долгов В.В. Поединки в древнерусской воинской культуре // Военно-исторический журнал. 2014. №6. С. 57-60.
 11. Зверев С.Э. Военная риторика Средневековья. СПб.: Алетейя, 2011. 206 с.
 12. Каптен Г.Ю. Проблема сакрализации войны в византийском богословии и историографии. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 263 с.
 13. Лаушкин А.В. Устраивали ли триумфы русские князья домонгольского времени? // Российская история. 2022. № 3. С. 3–14.
 14. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1978. 359 с.
 15. Макарова Т.И. Церковь св. Богородицы в Тмутаракани // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2005. Вып. XI. С. 377-405.
 16. Максидов А.А. Касожский князь Редедя: реальности летописного сюжета // Эльбрус. 2000. №1 (12). С. 61-69.
 17. Михеев С.М. «Кто писал "Повесть временных лет"?» М.: Индрик, 2011. 280 с.
 18. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
 19. Степаненко В.П. Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX-XII вв.) // Античная древность и Средние века. Вып. 31. 2000. С. 198-221.
 20. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Кн. 2. М.: напечатана при Императорском Московском университете, 1773. 536 с.
 21. Трофимова Н.В. Фольклорные образы и мотивы в древнерусском воинском повествовании // Литература Древней Руси и Нового времени. Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. С. 38-47.
 22. Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: МПГУ, 2017. 278 с.
 23. Трубецкой Н.С. Редедя на Северном Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 229-238.
 24. Турчанинов Г.Ф. Летописный Редедя и черкесское «редадэ» // Ученые записки

- Кабардинского научно-исследовательского института. 1947. Т. II. С. 246-247.
25. Храпунов Н.И. Известия о Крымском походе Владимира Мономаха в источниках Нового времени // Античная древность и Средние века. Вып. 46. 2018. С. 241-260.
26. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
27. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград: Археографическая комиссия, 1916. VIII, LXXX, 402 с.
28. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Наука, 2002. С. 20-358.
29. Kariakidis S. Accounts of single combat in Byzantine historiography // Acta Classica. Vol. 59. 2016. С. 114-136.
30. Oakley S.P. Single combat in the Roman Republic // Classical Quarterly. 1985. Vol. 35. С. 392-410.
31. Wiedemann T. Single combat and being Roman // Ancient Society. 1996. Vol. 27. С. 91-103.
32. White M. Military saints in Bizantium and Rus, 900-1200. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. XV, 255 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

О поединке князя Мстислава и Редеди

Название отчасти соответствует содержанию материалов статьи, однако в нём не просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет научный интерес. Автор не сумел разъяснить выбор темы исследования и обосновать её актуальность.

В статье некорректно сформулирована цель исследования («Задача данного исследования – определить влияние византийской воинской культуры в области культуры воинских поединков на воинскую культуру древней Руси»), не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором.

Автор представил результаты анализа историографии проблемы, но не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования и апелляции к оппонентам.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор хронологических и географических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор грамотно использовал источники, выдержал научный стиль изложения, грамотно использовал методы научного познания, стремился соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования. Автор

сообщил, что «в Повести временных лет под 6530 (1022/1023) г. содержится рассказ о победе князя Мстислава Владимировича над Редедей в поединке и об основании Мстиславом церкви Богородицы в Тмутаракани» т.д., и что данное «известие представляет интерес для изучения истории складывания древнерусской воинской культуры и может быть сопоставлено с византийскими воинскими реалиями» т.д.

В основной части статьи автор предположил, что запись о событии могла возникнуть в 1070-е гг., и вдруг перешел к изложению результатов анализа историографии вопроса, начав с трудов Татищева, пояснив, что его попытка «обобщить сведения о древнерусских поединках оказалась не вполне корректной из-за привлечения данных поздних источников». Затем автор, опираясь на актуальную научную литературу, раскрыл свою мысль о том, что «в современной историографии применяются различные подходы к изучению указанного известия», и вернулся к анализу источников, обратив внимание, что поединки Мстислава и Редеди, а также Никиты Кожемяки с печенежским воином «произошли в контексте военно-политических контактов Руси с политическими образованиями, находившимися в зоне культурно-политического влияния Византийской империи (но при этом культурно и политически не относящимися к ней)».

Далее автор процитировал источник о поединках с участием ромеев, заключив, что «описания поединков у Льва Диакона не содержат их осмысления как действий, непосредственно решающих исход войны, хотя Лев и подчёркивает их значение для исхода сражения». Затем автор описал результаты изучения вопроса о поединках С. Кариакидиса, который пришёл «к выводу, что увеличение числа упоминаний воинских поединков в византийской историографии по времени совпадает с периодом подъема военной аристократии в IX-X вв.» т.д., что «все описания поединков у Льва Диакона отражают ценности и интересы провинциальной византийской элиты, а равно и изменения в стилистике изложения военных событий в соответствии с запросами военных групп населения и социальной элиты – стремление к героизации отдельных лиц и локальных событий» т.д.

Далее автор предположил, что «известие о поединке Мстислава и Редеди в культурном контексте своего времени связано с отдельными чертами собственно древнерусской воинской культуры» т.д., и что это «не противоречит предположению о влиянии византийской практики военных поединков на бытование поединков на Руси».

В завершение основной части статьи автор обстоятельно обосновал мысль о том, что «летопись в случае с Мстиславом, по-видимому, фиксирует признаки воинского почитания Богородицы на Руси» т.д.

Выводы автора носят обобщающий характер, сформулированы ясно.

Выводы отчасти позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что «в рассматриваемом известии проявилось влияние на воинскую культуру Руси византийской воинской традиции и религиозной культуры» т.д., что «византийское влияние, предположительно, выразилось и в переосмыслении представлений о поединках, и в почитании Богородицы как помощницы или заступницы в случае войны».

Затем автор, фактически завершая основную часть статьи, сообщил, что «военная власть Мстислава над касогами установилась, по-видимому, через непродолжительное время после описанного столкновения» т.д., и предположил, что «мотив «чудесной» помощи в рассказе о военной победе, и возведение церкви с посвящением Богородице, способствовали, в том числе, демонстрации «сакральной» стороны княжеской власти и укреплению политического авторитета князя» т.д.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования отчасти достигнута автором.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует доработки в

части формулирования ключевых элементов программы исследования приведения в соответствие с ними выводов.

Замечания главного редактора от 05.04.2023: " Автор доработал рукопись в соответствии с требованиями рецензентов".